

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда Чжао Цзи наконец-то разобрался с грудой государственных докладов. Вернувшийся с поручения евнух Сяо Тунцзи уже давно стоял подле него, готовый услужить в любую минуту.

Заметив, что император поднял голову, Сяо Тунцзи расплылся в почтительной улыбке и вкрадчиво прошептал:

— Ваше Величество, не велите ли подавать ужин?

Особого голода Чжао Цзи не испытывал, но пока он корпел над бумагами, слуга не раз деликатно напоминал о трапезе. Если отказаться, вся эта роскошная стряпня, приготовленная специально для него, попросту пропадет.

Чжао Цзи согласно кивнул:

— Подавай.

Сяо Тунцзи тут же обернулся к дверям и звонко скомандовал:

— Подать ужин Его Величеству!

Вышколенные слуги вереницей потянулись в боковой предел Зала Гражданской Добродетели, пронося на подносах дымящиеся яства.

Чжао Цзи поднялся из-за стола и осторожно потянулся, разминая затекшую спину. Поминутно разминая пальцы, одеревеневшие от долгого письма, он поинтересовался:

— Как устроилась госпожа Цуй-Дун? И ещё... после того как господин Хань вернулся в Центральный секретариат, там не случилось ничего примечательного?

Сяо Тунцзи почтительно семенил следом:

— Госпожу Цуй-Дун определили на место, Ваше Величество. Однако по дороге в жилые покои дворцовых дам нам не посчастливилось столкнуться с наложницей Го.

Чжао Цзи ценил Сяо Тунцзи как раз за ум и проницательность. Тот никогда бы не упомянул Го Чуньлань без веской причины. Раз уж заговорил о ней — значит, вздорная наложница устроила им на дороге какую-то пакость.

Другие обительницы гарема и раньше нашептывали императору жалобы, уверяя, будто с наступлением беременности нрав наложницы Го стал совершенно невыносимым. Впрочем, ко

всем причудам дворцовых женщин Чжао Цзи давно относился со спасительным даосским безучастием. Для него любая из них была лишь преходящим видением — то ли святой бодхисаттвой, то ли придорожной травой, бесчувственным камнем или мимолетным облаком. Все эти бабьи наветы влетали в одно его ухо и благополучно вылетали из другого. Он никогда не принимал их близко к сердцу.

Тем более что Го Чуньлань носила под сердцем его дитя. Понимая это, Чжао Цзи сознательно установил планку своего терпения на максимум. Пока фаворитка не переходила черту дозволенного, он потакал любым её капризам. Неудивительно, что влияние Го Чуньлань во дворце росло как на дрожжах — дошло до того, что она начала понемногу затмевать саму императрицу Ван.

Должно быть, пребывая в перманентно боевом настроении, наложница умудрилась выместить злость на несчастной вдове Цуй-Дун.

«Сам хорош, не продумал всё до конца, — укорил себя Чжао Цзи. — Хотел как лучше: отправил личного слугу, чтобы уберечь госпожу Цуй-Дун от нападок старожилы в Ведомстве дворцовых дам. Но не учёл, какими домыслами обрастёт появление доверенного евнуха императора под руку с незнакомкой посреди запретных покоев».

Чжао Цзи спросил вслух:

— И что же сделала наложница Го?

Сяо Тунцзи ответил осторожно, тщательно взвешивая слова и не желая прослыть интриганом:

— Ничего страшного, Ваше Величество. Наложница лишь соизволила остановиться и высказать нам пару строгих наставлений. Нам, ничтожным, за счастье принять её науку.

Всё понятно. Обычной придиркой тут и не пахло — наложница устроила им знатную головомойку.

«Дело принимает дурной оборот, — Чжао Цзи нахмурился. — Покои дворцовых дам располагаются неподалеку от резиденции Го Чуньлань. Если эта ревнивая особа закусит удила, бедной госпоже Цуй-Дун не видать спокойной жизни. Она ведь повадится ходить к ней с придирками чуть ли не каждый божий день. Я и без того чувствую вину перед покойным Цуй Мином. Не хватало ещё, чтобы Сын Неба выставил себя полным ничтожеством, неспособным оградить от нападков вдову преданного офицера».

«А если Го Чуньлань запишет бедняжку в соперницы и примется изводить её с регулярностью трехразового питания, пиши пропало. Уж кому-кому, а мне с моей тонкой душевной организацией женские капризы и мотивы ревности понятны без лишних объяснений».

«Но лезть напролом и увещевать ревнивицу напрямую — верная гибель. Здесь требуется тончайшая дипломатия. В делах, касающихся соперничества, любая женщина мигом превращается в Шерлока Холмса. Если пустить всё на самотек, Го Чуньлань, возможно, почудит немного, да и успокоится ради сохранения плода. Но стоит проявить хоть каплю заботы и заступиться за вдову — фаворитку разорвёт от гнева, и тогда беды точно не миновать».

Проблему следовало решить изящно, не упоминая о ней вслух. По удачному совпадению, на эту ночь у него как раз намечались кое-какие дела, так что визит к Го Чуньлань придется как нельзя кстати. Раздумывая над этим, Чжао Цзи взял палочки для еды и небрежно бросил:

— Сегодня вечером Мы навестим наложницу Го.

Сяо Тунцзи торопливо согнулся в поклоне:

— Слушаюсь, Ваше Величество. Да, касательно Центрального секретариата — там всё тихо. Разве что редактор Цай зачем-то навещал господина Ханя.

В памяти Чжао Цзи не всплыло никаких сведений о некоем «редакторе Цае». Посчитав это незначительной мелочью, он лишь рассеянно хмыкнул, давая понять, что принял к сведению.

Покончив с расспросами, Чжао Цзи занёс палочки над ближайшим к нему ярким, благоухающим блюдом. Но стоило поднести лакомство к губам, как он разглядел прилипший к нему тонкий человеческий волос.

Чжао Цзи брезгливо застыл, едва сдерживая рвотный позыв.

В эпоху Сун требования к трапезе Сына Неба были на удивление щадящими. Никто не заставлял его следовать нелепому правилу «не больше трех укусов от одного блюда» и не требовал сервировать ровно восемьдесят один поднос. Тем не менее императорские кулинары всегда трудились на совесть: мясо искусно сочеталось с овощами, соблюдался баланс пользы и вкуса, а внешнему виду яств уделялось особое внимание. Чжао Цзи, надо признать, всегда искренне любил вкусно поесть.

Из того многообразия, что красовалось сейчас на столе, он узнавал лишь половину, да и то с трудом. Но до сей поры это его мало беспокоило.

Однако снисходительность монарха вовсе не означала, что повара имеют право сдабривать его ужин собственной шевелюрой! Окажись он в своем родном двадцать первом веке, этот нерадивый кулинар уже летел бы с работы с кучей жалоб в личной карточке!

Спускать подобную оплошность на тормозах Чжао Цзи не собирался. Он с размаху швырнул палочки на стол и гневно приказал:

— Немедленно притащите сюда старшего повара императорской кухни! Пусть этот мерзавец лично полюбуется, какой дрянью он потчует Нас!

Насмерть перепуганные кухонные мастера примчались с невиданной быстротой и робкой гурьбой повалились на колени прямо у порога Зала Гражданской Добродетели.

Готовый рвать и метать Чжао Цзи окинул грозным взглядом выстроившуюся шеренгу. Но стоило ему присмотреться к трем главным кулинарам в первом ряду, как его гнев поутих, а сам он на мгновение лишился дара речи. Головы поваров, тщательно повязанные чистыми платками, сияли безупречными, зеркальными лысынами.

Обернувшись, он указал пальцем на тарелку со злополучным волосом и ледяным тоном спросил ближайшего лысого бедолагу:

— Это ты готовил?

Повар мелко задрожал от страха и пролепетал:

— Ва... Ваше Величество, сие рагу из пяти сокровищ «Утка-мандаринка» сварено вашим ничтожным слугой.

Чжао Цзи оцепенел секунды на три. Затем, не веря собственным ушам, медленно переспросил:

— Как, ты говоришь, называется это блюдо? Рагу из пяти сокровищ «Утка-мандаринка»?

Тот испуганно втянул голову в плечи:

— Да, Ваше Величество... Всё так.

Чжао Цзи снова лишился дара речи.

«Господи, да это же название мне знакомо до зубной боли! — изумился Чжао Цзи. — Перед глазами мгновенно встал образ легендарного нищего — Хун Цигуна».

Изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид, император принялся судорожно вспоминать подробности известного ему сюжета:

— Скажи-ка... на вашей кухне в последнее время еда не пропадала?

Повар испуганно поднял голову, и на его лице отразился такой неопиcуемый суеверный ужас, будто перед ним сидел сам ясновидящий бог.

Чжао Цзи лишь мысленно вздохнул.

— И вы, должно быть, решили, что на кухне завелась нечистая сила? Начали усердно молиться, жечь благовония да вымаливать пощаду у духов?

Изумление на лице бедняги сменилось полнейшей растерянностью, которая тут же переросла в благоговейный восторг. Всем своим видом повар безмолвно вопил: «Святые угодники, Его Величество зрит сквозь стены! Наш император воистину сошедший на землю небожитель, истинный Дракон!»

Под этим сияющим от обожания взглядом Чжао Цзи почувствовал себя крайне неловко.

Изначально он собирался устроить грандиозный разнос за мерзкий волос в тарелке, но теперь понимал, что бедные повара пострадали без вины. Настоящего виновника за кухонными столами искать было бесполезно.

«У простых смертных в амбарах резвятся мыши, а у меня на императорской кухне, похоже, угнездился сам Северный Нищий — Хун Цигун. Ну и дела! Сам Хун Цигун!»

«Я так и знал, — размышлял император. — Раз уж в дело вмешалась Гора Белого Верблюда, то появление Южного Императора, Северного Нищего и Центрального Божества оставалось лишь вопросом времени».

Согласно роману, старый проныра Хун Цигун души не чаял в рагу из пяти сокровищ «Утка-мандаринка», которое подавали к столу Сына Неба. В оригинальной истории он ради этого деликатеса умудрился целый месяц прятаться под самым потолком императорской кухни и ни капли не заскучал.

Да и глупо было подозревать несчастных кулинаров. Даже при всем желании они бы не смогли добавить в блюдо столь пикантную «приправу» — откуда взяться волосам у абсолютно лысых людей?

Жизнь полна сюрпризов.

Чжао Цзи тяжело вздохнул и махнул рукой:

— Ладно, ступайте с миром. Впредь, если Мы задерживаемся и не можем сразу сесть за стол, не держите кушанья на виду. Отложите пару лучших блюд в теплое место прямо на кухне, а остальное раздайте слугам и страже.

Теперь в его и без того перегруженном расписании на грядущую ночь появился ещё один неотложный пункт — тайный визит на императорскую кухню.

«Возможность лично повстречать легендарного Хун Цигуна выпадает раз в жизни, — раздумывал Чжао Цзи. — Раз уж судьба сама преподнесла такой подарок, упускать его было бы верхом глупости. Если мне удастся выследить старого обжору на императорской кухне, я получу шанс договориться с ним с глазу на глаз и заключить союз против коварного Оуян Фэна. В таком случае отпадет необходимость утруждать этой опасной просьбой Сяо Ци».

«В крайнем случае, даже если на балке окажется обычный воришка, а не гроза цзянху, я хотя бы избавлюсь от терзавших меня сомнений».

«Решено: этой ночью я обязан устроить облаву. Если под сводами кухни действительно развлекается великий мастер, кто знает, сколько еще продлится этот пир за казенный счет? Вдруг сегодня он набьет брюхо до отказа, а наутро поминай как звали? Второй такой шанс вряд ли представится!»

Повара, хоть и удивились столь странному приказу Владыки, поспешили низко поклониться и без лишних слов покинули зал.

Чжао Цзи так и не съел ни крошки. Брезгливо отодвинув злополучное рагу на самый край стола, он ещё раз окинул взглядом остальные блюда. По их безупречному виду невозможно было угадать, в каком ещё чане успел похозяйничать незванный гость. Рисковать здоровьем и вылавливать из супа чужую шевелюру Чжао Цзи не собирался.

Он отбросил палочки в сторону:

— Уберите со стола.

<http://bllate.org/book/18987/1934565>